

СУЛТАН-ПРАВИТЕЛЬ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ОРДЫ, ПОЛКОВНИК МУХАМЕДГАЛИ ТАУКИН В ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

В русле исследования истории государственности особый научно-практический интерес приобретает рассмотрение форм управления и технологий власти, норм и принципов государственной службы, реформаторского потенциала чиновничества в прошлом и настоящем. Переосмысление традиционных взглядов придает новый импульс и изучению роли в истории первых казахских управленцев периода Российской империи. Административные реформы XIX в. царской России в Казахской степи выдвинули в региональную систему управления первую генерацию казахских чиновников из представителей родовой знати, получивших образование в учебных заведениях России, а также классные чины в соответствии с российской Табелью о рангах и принадлежавших к привилегированному сословию в империи. Одним из них был правитель Западной части области Оренбургских киргизов (казахов – *авт.*) Мухамедгали Таукин (1813-1894 гг.), султан Младшего жуза, сын надворного советника султана Тауке Айчувакова и правнук Абулхаир хана. Сведения о нем, как в прежних, так и в современных изданиях представлены кратко и фрагментарно. Еще не до конца изучены и другие знаковые фигуры из целой плеяды степных деятелей, первых казахских административных служащих и офицеров русской армии. Нельзя умалчивать и неоднозначное восприятие личности М. Таукина, что, видимо, настораживает исследователей. Материалы, обнаруженные одним из авторов данной статьи, этнографом, еще в 1980 г. в архивах в Ленинграде, позволяют по-новому, с высоты общечеловеческих ценностей взглянуть на судьбу одного из почетных и талантливых западных ордынцев и восстановить неизвестные ранее страницы о Таукине как заступнике народных интересов, дипломате, гуманисте, налаживавшем мосты взаимопонимания и добрососедства народов. Дело Таукина интересно тем, что несет в себе многоплановую информацию. Эти документы представляют историческую ценность и в свете рассмотрения цивилизационно-культурных аспектов казахско-русских взаимоотношений в XIX веке.

Жизнь Мухамедгали Таукина, так же, как и его предков из династии ханов Младшей орды, проходившая в водовороте бурных событий эпохи, была насыщена взлетами и падениями и полна драматизма в завершении карьеры. В его биографии и взглядах прослеживаются несколько этапов.

В 1831 г. Мухамедгали в числе пяти юношей-казахов закончил Азиатское отделение военного училища в г. Оренбурге (в 1844 г. преобразовано в Неплюевский кадетский корпус – *авт.*) и 25 ноября того же года прикомандирован к правителю Западной части оренбургских казахов султану Баймухаммеду Айчувакову. Успешно начавшаяся карьера Таукина стремительно шла в рост. В одном из документов делопроизводства о киргизах

(казахах), хранящихся ныне в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в г. Санкт-Петербурге, содержится следующая характеристика султана: «Султан-правитель из Западной степи подполковник султан Мухаммед-Галий Тяукин (*при цитировании имя и фамилии даются, как в источнике – авт.*) служит непрерывно местному управлению в степи с 1845 г., в настоящей должности с 1847 г., в офицерских чинах с 1830 г., в чине подполковника с 1853 г., в марте 1857 г. получил орден святой Анны 3 степени. Один из преданнейших Русскому правительству султанов...». По данным оренбургских архивов, введенным в научный оборот Ириной Ерофеевой, Мухамедгали Таукин выучил основательно в Оренбургском военном училище русский язык и письменный литературный язык тюрки (использовавшийся с XIII по начало XX вв.), а также приобрел хорошие знания по экономике, истории и культуре. В течение 20 лет, непрерывно занимая должность султана-правителя Западной части орды, получил репутацию компетентного, эрудированного и добросовестного управленца. Известно, что в 1848 г. М. Таукин направил и своего сына Шангирея для обучения в Неплюевский кадетский корпус.

По опубликованным Б. Жанаевым документам, с самого начала своей карьеры Таукин снискал доверие российских властей. Так, в списке награждаемых за 1846 г. он представлен, как (*текст дается в современной орфографии с сохранением авторской стилистики*) «сын заслуженного отца, есаул, султан Западной части орды Мухаммед-Галий Тяукин, несмотря на молодость, неоднократно оказывал усердие при исполнении возложенных на него поручений. Изучив русский язык, он неусыпно занимается делами по поручениям от правителя и Комиссии, а по знанию им следственного порядка с большой пользой употребляется по делам уголовным между степными киргизами, одним словом, по честности, беспристрастности ума, способностям и знанию дела лучший из помощников и со временем из него может выйти отличный правитель. В последние годы (1844 и 1845) от Комиссии на него возлагалось содействие дистаночным начальникам в сборе денег за кочевание и объяснение безграмотным, как выдавать квитанции и вести книги, в чем пять из них встретили затруднение и остановили было сбор. Тяукин все эти недоразумения ловко отстранил, и сбор, несмотря на тяжкие прошлогодние зимы по глубокости снегов и гололедицы, отчего киргизы лишились множества скота, личным усиленным старанием его произведен успешно». А в «Списке должностных, влиятельных и особенно известных киргизов Западной части орды» чиновник особых поручений при председателе Пограничной комиссии Лазаревский так характеризовал качества и темперамент султана: «Тяукин Мухаммед-Гали, войсковой старшина, султан, управляет Западной частью орды, 37 лет. Богат, ...весьма хорошего ума и способностей, с превосходным, добрым, благородным, но доверчивым и несколько нерешительным характером. Гостеприимство - одна из добродетелей киргизов, но Тяукин гостеприимен по превосходству. Один из любимых в орде султанов за свой благородный характер, участие к нуждам киргизов и неизменное расположение к добру. В высшей степени предан правительству; сколько я узнал этого

султана, для него лучшее удовольствие и постоянное желание исполнить всякое распоряжение начальства удовлетворительно и с успехом».

В силу служебного долга Мухамедгали Таукин должен был постоянно ориентироваться на оренбургское начальство. В документах РГИА, в послужном списке султана М. Таукина за 1873 г., отмечено: «...ему 60 лет. ...За поимку в степи дезертиров 8 февраля 1836 г. награжден чином зауряд-сотника. За успешный сбор кибиточного сбора 2 июня 1837 г. произведен в хорунжий. За преследование мятежного старшины Исатая Тайманова получил в подарок 20 сентября 1832 г. от Оренбургского военного губернатора золотой перстень, а 25 января 1839 г. награжден золотой медалью на Аннинской ленте для ношения на шее. За участие в Хивинской экспедиции 28 октября 1840 г. награжден чином сотника. За сопровождение в Бухару русской миссии 31 августа 1842 г. награжден золотой медалью на Аннинской ленте для ношения на шее. За нахождение в военном отряде, преследовавшем мятежного султана Кенесары Касымова, 11 апреля 1844 г. произведен в есаулы. 17 января 1845 г. назначен помощником правителя Западной части оренбургских казахов. Во время нахождения в С.-Петербурге в свите султана Баймухаммеда Айчувакова в марте 1847 г. был представлен императору Николаю I и награжден чином войскового старшины. После смерти султана Баймухаммеда Айчувакова был определен на должность правителя Западной части оренбургских киргизов (казахов) (с 12 апреля 1847 г.). В 1853 г. произведен в подполковники. При представлении императору Александру II 13 августа 1860 г. награжден чином полковника». Так, более 30 лет Таукин исправно исполнял возложенные на него по службе обязанности.

Но со временем в его судьбе наступил роковой поворот. Еще 28 октября 1865 г. по распоряжению Оренбургского генерал-губернатора М. Таукин был отозван от должности с оставлением по делам в Оренбурге. 10 ноября 1865 года султан-правитель М. Таукин по расстроенному здоровью просил об увольнении в отставку. 14 декабря того же года приказом министра внутренних дел Таукин был уволен согласно его просьбе, а 21 марта 1866 г. последовал Высочайший приказ об отстранении М. Таукина со службы с отрицательным мотивом. С июля 1866 г. Мухаммедгали Тяукин был привлечен к следствию по обвинению в «злоупотреблениях, допущенных во время управления Западной частью оренбургских киргизов (казахов)». По донесению управляющего областью Оренбургских киргиз (казахов), флигель-адъютанта, полковника Л.Ф. Баллюзeka, «полковник Тяукин навлек на себя подозрения в незаконных поборах, продаже должностей по местному ордынскому управлению, противодействию распоряжениям высшего правительства». Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский «вынужден был задержать Тяукина в Оренбурге и воспретить ему выезд в степь даже и после отставки». Волне понятна тревога российской администрации в связи с ростом негодования в степи. Восстания 1868-1870 гг. в Младшем жузе подтвердили опасения царизма о возможном неприятии местным населением Временного положения об управлении в степных областях 1868 гг., вносящего серьезные изменения во все сферы. Введение территориального принципа управления взамен

родоплеменных отношений, организация выборных должностей, объявление всех казахских земель собственностью Российской империи, увеличение кибиточной подати вызывали возмущение казахского населения, что сильно напугало правительство.

После стольких лет блестящей карьеры и благоволения высших лиц империи отстранение от службы для Таукина было подобно катастрофе. В своем прошении Министру внутренних дел от 1 января 1869 г. из Оренбурга бывший султан правитель Мухамедгали Таукин давал объяснения: «Уральское войсковое начальство было недовольно мною за постоянное заступничество мое за киргизов от стеснений их казаками и опровержение прав уральцев на сказанный берег (левый берег Урала). Еще при генерал-губернаторе Катенине я заявлял опасения свои о мести за это уральцев. ...Бывший мой помощник хорунжий Чулак Айбасов успел оклеветать меня до того, как генерал Баллюзек, не видав еще меня и не зная, прямо заключил, что я составляю величайшее зло для всего края...».

Все обвинения по делу полковника М. Таукина юридически не подтверждались, поэтому дело было прекращено в 1869 г. Но в ноябре того же года Мухамедгали Таукин был выслан на жительство под надзор полиции в с. Холмогоры Архангельской губернии, а в 1870 г. был перемещен в Екатеринославскую губернию. Высылка Таукина, как указывалось в документах, состоялась под влиянием волнений в степи при введении в действие положения 1868 г.

Во время своего нахождения в ссылке М. Таукин несколько раз возбуждал ходатайство о назначении ему пенсии от казны. Пребывание бывшего правителя около 10 лет вдали от родины разорило его. Во время ссылки он оставил имущество своей старшей жене, после ее смерти состояние было пущено на самотек. Генерал-адъютант Крыжановский, ходатайствуя перед МВД, представлял разумным, «согласно существующих общих законов о службе, не лишать полковника пенсии, ввиду долголетней его службы русскому правительству. Отмечая, что М. Таукин «при своих преклонных летах (70 лет) и разбитом здоровье, представляется поистине жалким человеком и горько плачется на постигшую его судьбу», Оренбургский генерал-губернатор заключал: «...В 1873 г., приняв во внимание, что население степи совершенно спокойно, и, наконец, сам Тяукин горьким опытом постигшего его несчастья убедился в невозможности противодействовать требованиям правительства, - я признал возможным возвращение Тяукина из ссылки...; я нахожу назначение ему пенсии мерою не только гуманной по отношению к самому Тяукину, но и полезной для укрепления в среде инородческого племени убеждения в правосудии, благодати и милости Русского правительства...». Генерал-адъютант ходатайствовал о назначении бывшему султану-правителю пенсии в таком же размере, что получали и другие султаны (М. Баймухаммедов, А. Жантурин и др.) 1 тыс. 200 руб. в год.

Положение султана было поистине катастрофическим: из Оренбурга он вместе с женой и малолетним сыном был отправлен в ссылку в Уфу, затем в Архангельск и Екатеринославль, сначала без всякого содержания, а потом им

отпускалось по 37,5 копеек в сутки. В продолжение 12 лет вдали от родных степей он лишился всего своего достояния и из человека богатого сделался нищим. В прошении к Екатеринославскому губернатору от 9 ноября 1870 г. жена султана Алтынай Кайыпкалиева отмечала: «...Для мужа моего не столь тягостна и прискорбна ссылка, сколько самый факт обвинения. Тяжело на старости лет жить в бедности и в чужой стране». Но обращения как самого Таукина, так и его супруги долго оставались без последствий.

Мухамедгали Таукин известен также как этнограф, он поддерживал связи с Русским географическим обществом, Казанским музеем древностей и этнографии и был корреспондентом Вольного экономического общества. Таукин опубликовал «Записки о хозяйстве, скотоводстве и других средствах к существованию ордынцев, кочующих в Зауральской степи» в журнале «Экономические записки» (Санкт-Петербург, 1861), «Родословный список о султанах и ходжах Западной части орды» (Оренбург, 1847 г.). В период ссылки в Екатеринославле М. Таукин направил 16 ноября 1871 г. министру внутренних дел свои «Соображения об улучшении быта киргизов» (казахов). Как этнограф он замечал: «Преуспевание рода человеческого в улучшении своего быта обусловлено климатом и местностью: жителю Гренландии, в отношении образа своей жизни и добывания средств к содержанию ее, ничего не представляет обитаемая им страна, кроме рыболовства. ...Из того видно, что киргиз ведет кочевую жизнь по необходимости. В его родине нет материалов, нужных для жилищ, но этот питомец пустыни доволен своей бедной кибиткой, окруженный своими стадами». Таукин выдвигал требования к русским чиновникам в приспособлении к степной культурной специфике: «Киргиз – вольный сын пустыни – он никогда не испытывал рабства и стеснительного влияния своих племенных правителей, он не может не сознать своей зависимости от русского правительства, не мечтая о самостоятельности, и не упуская из виду, что занимаемые им степи, его свои собственные;...кроткая с ними власть полезнее строгой: я успел привлечь из глубины степей Чумичли – Табынского и Адайского родов ласковым обращением более 10 тысяч кибиток, что принесло увеличение казне доходов. ...Чиновники из русских, назначенные для управления киргизами, должны находиться на зимних кочевьях... Каждый из русских чиновников по управлению киргизами должен очень хорошо изучить нравы и образ жизни заведываемых киргизов. ...Между русскими поселенцами размещать и киргизов, вспоможествуя на первый раз им строевым материалом и земледельческими орудиями. ...также нахожу полезным на известных местах зимовья построить жилища из лесу или нежженого кирпича. Эта благодетельная мера будет вполне оценена киргизами, испытывающими бедствие в своих кибитках в течение продолжительной суровой зимы; ярмарочных мест с приличными постройками полезно было бы образовать еще несколько внутри степи, чтобы киргизы не затруднялись гнать скот для продажи за несколько сот верст от места кочевья...Распространение образования между киргизами принесет также благодетельные плоды».

Тем временем в ходе рассмотрения жалоб Таукина возведенная на него клевета не оправдалась. В дальнейшем генерал-адъютант Крыжановский счел

целесообразным «на место отстраняемого доносчика Батыршина поставить Сейдалина». Султан Альмухамед Сейдалин, также один из выпускников Азиатского отделения Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, сын султана Восточной части области Оренбургских киргизов, удостоенный множества наград и поощрений за усердные труды и старания, проявил участие в судьбе своего старшего товарища по альма матер. Сейдалин поддержал Таукина, отметив в своем докладе Баллюзеку, что возвращение Таукина на родину «не возмутит спокойствие в степи». В 1874 г. Мухамедгали Таукин был возвращен из ссылки.

Оставшуюся жизнь бывший правитель западных ордынцев боролся за восстановление своего честного имени, ходатайствовал о назначении пенсии и об освобождении от оплаты кибиточной подати. В своих обращениях султан не переставал надеяться на милость правительства, указывая на свои заслуги в урегулировании межродовых и межнациональных споров между адаевцами, туркменами и хивинцами в районе Арала и Каспия,. Таукину удалось успешно осуществить «примирение в 1858 г. адаевцев с туркменами и возвращение туркменам 175 человек, взятых адаевцами в плен, примирение адаевцев с чумичли-табынцами, а также разбирательство и удовлетворение их претензий». В письмах к власти он подчеркивал: «Всемиловнейшее жалованные грамоты предков моих доказывают, что я потомок Чингиз-хана, Абулхаир хана, добровольно принявшего подданство России со всем подвластным ему народом. Воспитавшись в их традициях, я заботился увековечить их память, и, следуя их потомственному примеру, никогда не щадил своего здоровья на пользу престола Его Императорского Величества. На основании Высочайшего указа 14 марта 1776 г. дети ханов и их потомков, султанов должны считаться за князей, а дети киргизских тарханов за дворян... Моя же фамилия происходит по прямой линии от того же родоначальника, от которого происходит потомство ханов...». Обращался он и на Высочайшее имя: «Великий Государь Император Александр Александрович! ...Более пятнадцати лет я ищу правды в Русской земле...». Правительствующий Сенат, рассмотревший по указу императора дело Таукина, 11 июня 1881 года определил: «прошения Тяукина, как не заслуживающие уважения, оставить без последствий»... Лишь к концу жизни султан добился назначения ему пенсии, с его смертью в 1894 г. половина пенсии была назначена его вдове. Его сыновья продолжили династию. В послужном списке сына М. Таукина - Музаффара Мухаммед-Галиевича отмечено, что он происходит из династии потомственных дворян Оренбургской губернии. Мухамедгали Таукин оставил имя в истории как один из первых казахских чиновников, просветитель, ученый-этнограф.

Уркинбай КЫДЫРАЛИН,
*доктор исторических наук, профессор
Атырауского государственного университета
им.Х. Досмухамедова*

Жанна КЫДЫРАЛИНА,

*доктор исторических наук,
первый заместитель директора Института
истории государства*